

САМОСОЗНАНИЕ И ИДЕНТИФИКАЦИЯ

Н.Н. Палеева

ПРЕВРАТНОСТИ КУЛЬТУРНОЙ САМОТОЖДЕСТВЕННОСТИ

Аннотация. Определение сущности культуры часто воспринимается как простая задача. Однако в статье показано, что культура в процессе поиска самотождественности наталкивается на серьёзные противоречия, которые отражают сложность самого феномена. Так, даже этимология слова «культура» таит в себе варианты последующей культурной бытности. Ещё больше парадоксов связано с культурогенезом. В одном случае культура рассматривается как порождение природы, земных обстоятельств человеческой жизни, вступившей затем на путь преобразования и роста. В другом случае культура восходит к слову «культ», что соотносит данный феномен с трансцендентным чувством. Использована методология философии культуры. Эта область философского знания накопила за время своего существования множество методологических процедур, которые позволяют анализировать оппозиции культуры. В статье впервые в отечественной философии рассматриваются сложности культурной самотождественности. Делается попытка проанализировать противоречия между этническими и универсальными культурами, между локальным и всеобщим. Автор сопоставляет два научных направления, которые сложились в современной науке. В статье критически оцениваются попытки рассмотреть примордиализм лишь как архаику, дать негативную характеристику традиции с точки зрения общественного прогресса. В то же время многие авторы прославляют конструктивизм как новейшее завоевание философии и науки. В статье даётся критический анализ особенностей современного конструктивизма.

Ключевые слова: культура, философия, идентичность, самотождественность, конструктивизм, примордиализм, природа, культ, универсалии, духовность.

Review. Definition of the essence of culture is often taken as a simple task. However, in her article Paleeva demonstrates that in the process of searching for self-identity, culture faces serious contradictions which reflects the complex nature of the phenomenon itself. Thus, even etymology of the word 'culture' hides in itself the following variants of cultural existence. Even more paradoxes are associated with the process of culture genesis. In one case, culture is viewed as the generation of nature and earthly circumstances of human life which was later developed further. In the other case, culture is associated with the word 'cult' which relates this phenomenon to the transcendental feeling. In her research Paleeva has used the methodology of philosophy of culture. This branch of knowledge has accumulated numerous methods and procedures that allow to analyse oppositions to culture. For the first time in Russian academic literature the author of the article is viewing complexities of cultural self-identity. The author also makes an attempt to analyze contradictions between ethnic cultures and universal cultures, local cultures and general cultures. The author compares the two research tendencies that have developed in contemporary science. She also carries out a critical analysis of the other researchers' attempts to view primordialism as plain antiques and to give a negative assessment of that tradition from the point of view of the social progress. Meanwhile, many authors speak highly of constructivism as the newest achievement of philosophy and science. In her article Paleeva also provides a critical analysis of peculiarities of modern constructivism.

Keywords: universals, cult, nature, primordialism, constructivism, self-identity, identity, philosophy, culture, spirituality.

СМЫСЛЫ ПОНЯТИЙ

В чём состоит суть культуры? Может показаться, что этот вопрос несложен. Однако трудности в постанов-

ке данной проблемы подстерегают исследователей повсеместно. Непросто разобраться в происхождении самого понятия «культура». От трактовки этой темы зависит и последующее рассуждение о куль-

Статья подготовлена при поддержке гранта РГНФ № 14-03-00350
«Культура как кризис – неудача или возможность?».

туре. Связывая культуру с возделыванием почвы и души, мы невольно приближаемся к сопоставлению её с цивилизацией. Отыскивая её изначальные корни в культе, мы избегаем темы цивилизованности и полностью погружаемся в сферу духа.

Та же альтернативность возникает при измерении культуры как чего-то обособленного, частного с отвлечённым, общим пониманием этого феномена. Дело в том, что культура выступает, как правило, в двух ипостасях. Она обозначает нечто конкретное, зримое, очевидное. Но она же мыслится как абстракция, которая отвлекается от жизненной и цивилизационной конкретики и оказывается при этом общим понятием. Н.Я. Данилевский, углубившись в рассмотрение разных типов культуры, пришёл к идее множественности самого феномена. Получилось, что есть культуры, но нет культуры как собирательного, абстрактного обозначения. На эту методологическую ошибку указал В.С. Соловьёв. Он предлагал перейти от конкретного изучения множественности культур к пониманию культуры как предельной общности человеческой креативности. Именно поэтому мы говорим, что культурфилософы изучают вариативность культурного творчества, разнообразие духовных обнаружений. Но в сферу философии культуры входит также рассмотрение общих закономерностей культурно-исторического процесса.

Таких превратностей в постижении культурной самотождественности немало. Чтобы определить культуру, нужно отделить её от природы. Но ведь она исходит из натуры, сохраняет с ней живые связи. А природа в современном мире тоже оказывается окультуренной. Дикая, неосвоенная природа признаётся редкостью. Изначально слово «культура» имела конкретный смысл – её функция заключалась в том, чтобы осуществлять надзор над природой, следить за её развитием и ростом. Британский исследователь И. Терри утверждает, что английское слово «*soulter*», которым называют резак у плуга, напрямую соотносится с более строгим понятием культуры. Можно сделать предварительный вывод: слово, ставшее теперь столь изысканным, пришло к нам из сферы труда и сельского хозяйства [1, с. 8].

Итак, слово «культура» вышло из недр природы. Но в своем первоначальном смысле заключало некоторый оттенок неприродности. Ведь необработанная природа оказывается противоположностью культуры. Но это, последнее слово, как раз и предполагает отчуждение от дикой природы, чело-

веческое стремление, если не облагородить природу, то во всяком случае придать ей неукоснительную полезность. Став средством человеческого преобразования, природа оказывается несравненно ближе к людям, к их жизненному миру, к разнообразной повседневности.

Ф. Бэкон усмотрел возможность скрещивания культуры и удобрения умов. Если унавозить природу в соответствии с умственными задатками, то возникнет нечто новое, чего нет в природе. Это будет чисто человеческий феномен, творение человеческого ума и креативности. Однако даже при Ф. Бэкоме большую популярность имели прилагательные, которые фиксировали некое новое качество культуры. Отвлечение от природы мыслилось через такие слова, как «моральный» или «интеллектуальный». Культура тяготела к тому, чтобы стать определённой абстракцией, но в то же время зачастую отражала самую неожиданную конкретность окружающего бытия. Ещё не была проведена демаркация между культурой и цивилизацией. Но пока у своих истоков культура обозначала всё-таки самый настоящий материальный процесс унавоживания почвы. Потребовались немалые усилия и, пожалуй, интеллектуальная отвага, чтобы перевести обозначенные процессы в план идеальный.

Если рассматривать культуру исторически, то, вероятно, этот феномен абстрагирования понятия культуры был связан с переходом людей от сельской жизни к городской. И здесь мы сталкиваемся с парадоксом. Ведь те, кто перешёл к урбанистическому складу существования, стали называть себя культурными. А земледельцы и пастухи, наоборот, сохранили себя в природном кругу. Ведь возделывание души требует досуга, а откуда оно у сельского жителя, который вынужден отдавать всего себя земле и природе.

Если двигаться к парадоксам через латинский корень «*colere*», то он в известной мере отрывает нас от почвы и её возделывания. Ведь он имеет и дополнительные смыслы, которые никак не связаны с теми, которые мы назвали. Латинский корень слова взывает к таким смыслам, как «боготворить», «защищать». Здесь можно через слово «населять» усмотреть покорение новых земель, расселение по земле до современного понятия «колониализма». Так, культура шествовала на те земли, где ещё недавно паслись бизоны, где природа сохраняла свою нетронутость.

Но слово «культура» неожиданно парашютирует и в другие смыслы. От чернозёма оно дрей-

фует в сферу трансцендентного чувства. Так, реализуется бросок от почвы к небу. «Colere», преобразаясь через латинское слово «cultus», замещается религиозным словом «культ». В чём причина такого парадокса? Вероятно, в Новое время, когда секуляризация обесцветила символы божественного и трансцендентного, слово «культура» добровольно приняло на себя нуминозные смыслы. Оказывается, хранить нужно не только навыки агрикультуры, но и традиции. Они нуждаются в сохранности, потому что происходит размывание всего давнего, закреплённого в обычаях. Стало быть, традиции надо сторожить и прославлять. Религия приняла эту трансформацию слова с пониманием. Оно окружило культуру ореолом священного. Так культура по сути дела в ходе своего собственного развития оказалась таким феноменом, который постмодернисты определяют как деконструкцию.

Выходит культура неотторжима от культа. Она и в наши дни пестует многомерные связи, позволяющие выделить не только тождество, но и различие названных феноменов. Однако сближение слов «культ» и «культура» не носит универсального характера. Возможно, в далёкие времена они были неразъёмны. Теперь слово «культ» вытесняет слово «культура». Предполагается, что оно способно вместить в себя те смыслы, которые в своё время содержала в себе культура.

Культура от навоза, от возделывания почвы поднялась к трансценденции. Это был путь от них кверху. Но вектор культа иной – он начинается с небесных вершин и обращается к земной повседневности. Это путь сверху вниз. Культ несёт в себе соприкосновение с иными мирами. Русский философ П.А. Флоренский пытался узреть, какой смысл открывается духовному человеку от погружения в реальность. Эту задачу он формировал таким образом: «Необходимо доказывать осмысленность вещей и овеществленность смыслов» [2, с. 103].

На протяжении человеческой истории культура неоднократно утрачивала свой сакральный смысл. И каждый раз такое устремление к повседневному миру, лишённому нуминозного измерения, наносило культуре немалый урон. Русский философ закреплял за культурой литургическое призвание, т.е. сотворение и обережение святынь. Это сокровенное творчество людей. Другой русский философ Н.А. Бердяев тоже полагал, что культура в свой органический период была связана с религиозной жизнью. Он полагал, что культура

сильна своими корнями. Чем она древнее, тем значительнее и прекраснее. Поэтому связь культуры и культа можно проследить как в исторической эволюции культуры, так и в её судьбе.

В природе рождается культура. Но она в свою очередь преобразует культуру. Поразительно, что природа сама вызывает к жизни средства собственного преобразования. Ж. Деррида обозначает это понятием «дополнение», которое показывает, что этот смысл содержится во всём, что подлежит усилению. Культура становится избыточной. Печать нетронутости лежит лишь на пасторальных сценах природы. А культура призвана остановить потоки воды, создать каменные изваяния, оборудовать железные сооружения. Наметился раскол культуры и цивилизации. Первая обозначила свою территорию творением искусства, философии, науки. Вторая – благоустройством жизни.

Природа следит за соразмерностью своих явлений. Щедрый урожай истощает земли. Реки мелеют, если ручьи не приносят воды. Избыточность разрушает естественную гармонию. Поэтому постмодернисты, вглядываясь в древние культуры, обнаруживают в них, по крайней мере, это спасительное, земное чувство протеста против всего лишнего, избыточного, избыточного. Культура, приступив к преобразению традиций, к накоплению собственных ресурсов, уже не могла регулировать эти процессы. Они обрели автономный характер. Приращение стало правилом, непреложным процессом. Освобождаясь от диктата природы, человек культуры стал пользоваться свободой.

Однако сама культура тоже подчинена неким внутренним правилам. С одной стороны, она освобождается от природного диктата, ищет возможности обойти естественные процессы. Соединяет реки, которые никогда бы не слились без людей в единый поток. Сооружает мосты над водной стихией, которые перемещают грузы и людей. Но в этом устроении есть и один утеснительный принцип. Он заключается в том, чтобы ограничить автономию духа. Людям мнится, что они могут бесконтрольно использовать законы природного мира, что их успехи не имеют пределов. Вот что пишет, к примеру, П.К. Гречко: «В терминах нашей работы речь идёт об историческом преодолении земного эволюционного притяжения. Вырвавшись из цепких объятий эволюции, человечество соорудит себе новый – космический Ноев ковчег и уйдёт полностью в автономное историческое

существование. Возможно, этим ковчегом станет искусственно созданная планета – всё дело в колоссальных, поистине космических объемах энергии, которую откуда-то придётся брать. Надежда здесь только на одно – на эволюционный технологический прорыв, который позволит превращать в энергию любое вещество. Конечно, это только предположение – пока что с определённой уверенностью сказать здесь ничего нельзя» [3, с. 233].

Нет оснований выхолащивать этот неизбывный энтузиазм первопроходцев. Пусть летит современный Ноев ковчег к планете, созданной людьми. Но, как оказывается, «пока что сказать с определённой уверенностью здесь ничего нельзя». Зато историческая продвинутость, как говорится, налицо.

Натурализм в этом случае вступает в спор с романтической традицией. Природа внушает нам ощущение величия. Она через эстетическую категорию возвышенного убеждает людей в том, что есть силы, которые значительно превосходят ресурсы человека. Люди испытывают благоговение перед этими силами, преклоняются перед ними. Но в них крепнет убеждение, что в самой природе есть силы, которые превосходят её и способны даже её разрушить. Перед культурными усилиями человечества природа не выглядит столь победоносной.

Но культура в своем победительном ослеплении не может обойти осознание того факта, что она укоренена в природе. Можно полагать, что люди начнут добывать энергию из камня, если это возможно теоретически и практически, не противоречит законам естественного мира.

Так в толковании культуры встречаются два познавательных принципа – описательный и оценочный. Мы описываем сегодня технологические достижения и вместе с тем уповаем на то, что подчинено законам эволюции. Так детерминизм натывается повсеместно на волюнтаризм. «Само слово «культура» содержит в себе, отмечает И. Терри, конфликт между деланием и сделанностью, рациональностью и спонтанностью, являя собой укор развоплощённому разуму Просвещения и бросая вызов культурному редуционизму, характерному для столь многих направлений современной мысли. Оно даже намекает на политическое противопоставление эволюции, «органической» и «спонтанной», и революции, искусственной и «сознательной», а также подсказывает, как можно выйти за рамки данных избитых антитез.

Культура и культуры

Теперь нужно точнее опознать культуру. Сам этот феномен дробится на множество локалов. Мы выделяем культуры большие, исторически закреплённые, и культуры локальные, которые постоянно ищут защиты и справедливости для собственного бытия. Каждая культура, независимо от её объема и исторической предназначенности, обладает острым, трудноутолимимым стремлением не только заявить о себе, но и выстроить собственные основы и святыни. Если культура не обнаруживает в себе такого зова и такой инициативы, она гибнет. Не лишено смысла предположение о том, что многие культуры не устояли в вечной борьбе за своё обозначение.

Это правило относится и к цивилизациям. Нет сомнений в том, что многие из них погибли, так и не реализовав свою предназначенность. Наивно полагать, будто такой участи избежали лишь наиболее совершенные цивилизации. Исчезновение определённого образа жизни зависит от многих причин, которые в совокупности определяют свой необычный отбор. Но ведь такое состязание происходит и в наши дни. Известна заслужившая популярность концепция американского социолога С. Хантингтона о том, что цивилизации погибают не от войн, неурядиц, бедной экономики или политических распрей. Они сходят с исторической арены, потому что не сумели реализовать собственную идентичность. Оказывается, самотождественность культуры является, судя по всему, главным гарантом выживаемости этих социальных образований. Неспособность осознать ядро собственной идентичности – вот главная причина исчезновения культур и цивилизаций.

И здесь возникает вопрос о том, что же такое идентичность? Европейская философия сначала рассматривала данный феномен применительно к процессу социализации представителей своей культуры. Жизненность той или иной культуры определялась тем, насколько успешны механизмы, позволяющие индивиду занять собственную нишу, приспособиться к своей социальной роли. Но в каждом социуме есть маргиналы, изгои, психопаты. Словом, есть люди, которые не хотят или не могут адаптироваться к общественным нормам. В силу этих закономерностей социум обретает устойчивость или, наоборот, хрупкость. Ощущение обустроенности культуры рождается признанием имеющихся ценностей. Люди разных культур име-

ют собственный строй ума или ментальности, по-разному воспринимают наличие или отсутствие трансценденции в своей повседневности, имеют разные представления о справедливости и насилии, о свободе и обязанностях.

Весьма показательно, что люди воспринимают собственные культурные различия как выражение нормы. Всё, что не соотносится с этими нормами, рождает бескомпромиссную негативную оценку. Обычаи чужой культуры кажутся странными, манеры поведения безумными, языки и способ коммуникации неприемлемыми. Есть культуры, представители которых преклоняются перед звёздами, но и такие социальные образования, где предметом поклонения оказываются обычные житейские приметы, лишённые сакральности. Гибель цивилизации и гибель культуры зависят от этих универсалий культуры.

В поисках культуры мы продвигаемся как в физике, от микромира к макромиру, от кванта до Галактики. И везде фиксируем неистребимую плюральность, которая осложняет процесса самоидентичности. Философия культуры, как она сложилась в Европе, прошла длительный путь от изучения так называемых «неразвитых», «патриархальных» культур до прославления европоцентризма. Перед человечеством открылось множество культурных космосов, которые заявляли о своей неповторимости и достоинстве. Даже сегодня в потоке глобализации европоцентристы, признавая в теории законность других культур не могут преодолеть, как это подчёркивает С. Жижек, высокомерия по отношению к инаковым мирам. На уровне идеологии европоцентристы толкуют о необходимости изучать эти неевропейские культуры, «уважать» их, но при этом не могут скрыть высокомерия и надменности по отношению к ним. Так по-прежнему властвует колонизаторский неистребимый колонизаторский пафос, согласно которому локальные и национальные культуры вне Запада обретают некую урезанную, неподлинную идентичность [4, с. 296].

Культура как общее понятия, точно Галактика, выбрасывает солнечные протуберанцы. В условиях глобализации, когда процесс унификации как будто набрал необоримую мощь, начинается процесс дробления идентичностей внутри культуры. Он находит своё выражение, во-первых, в стремлении «очистить» национальную идентичность от понаехавших «посторонних». Полно злободневных лозунгов: Франция для французов (против эми-

грантов из Алжира), Америка для американцев (против нашествия латиноамериканцев), Словения против чрезмерного присутствия «южан», иммигрантов из республик бывшей Югославии [4, с. 287]. Но этому диктату противостоит политика мультикультурализма, которая утверждает толерантное отношение к различным так называемым гибридным группам.

Сегодня культурная картография планеты представляет собой пеструю картину. Множится число групп и подгрупп, субкультур, этнических образований. Эти «культуры» настаивают на том, чтобы реализовать свой особый образ жизни, иметь святыни, сохранить тот механизм, который позволяет членам этих групп готовить новых представителей данного социального образования к их особой форме человеческого существования. В условиях глобализации каток унификации натолкнулся на мощное сопротивление. Культурные особенности, с одной стороны, стали стираться, забываться или подчас просто игнорироваться. Но, с другой стороны, возникли антиглобалистские настроения. Этноты и культуры стали настаивать на сохранении традиций, собственных ценностей и общественных норм.

Но в этом потоке различий культурой стали обозначать любые попытки несходства, нетождественности. Заговорили о культуре труда, интимных отношений, публичного поведения. Однако насколько правомочно, например, стремление фиксировать «культуру мафии», «культуру бюрократии» или «культуру обслуживания». Так возникает своеобразный парад идентичностей, каждая из которых наделяет собственные права определённым экстремизмом.

Порой стремление уважать «гибридные» или «локальные» формы идентичностей носит курьёзный характер. Заговорили, к примеру, о «культуре пыток», имея в виду, что без истязаний трудно изобличить преступника, обеспечить порядок и стабильность. Однако само насилие над человеком, сама незаконность таких нравов не подвергается сомнению. Идентичность осмысливается не как объективный массовый механизм, а как законное право каждой культуры или субкультуры сохранять тот образ миропостажения, который им свойственен.

Одно дело, когда речь идёт о крупных державах, скажем, России. Здесь полиэтничность оказывается одним из основных факторов, определяющих своеобразие российской цивилизации. Россия

с момента своего государственного оформления, всегда существовала только в полиэтничных модификациях. Общей закономерностью развития полиэтничных общностей является их интеграция в общности наднациональные. Россия имеет преимущества перед другими государствами, так как опережает их по темпам межэтнической интеграции. Национальная общность может сложиться в России на основе традиции полиэтничности, минуя этап национального оформления титульной нации. Выявленные особенности развития нашей страны позволяют утверждать, что её существование как государственного образования возможно только в полиэтничном варианте, что, в свою очередь, позволяет рассматривать её в социально-философском смысле как особую цивилизацию.

Вместе с тем очевидно, что происходит и процесс выбраковки тех или иных жизненных и практических установок. Происходит одновременно и перетасовывание, перемешивание идентичностей. Возникают её гибридные формы. Рынок коммерциализирует сам этот процесс. Навязывание идентичностей вторгается и в элитарную культуру. При этом духовность используется культурой как товар, но этот процесс необходим, чтобы дать жизнь культуре как идентичности.

Западные государства и без насилия извне переживают процесс распада на этнической почве. Сепаратистские движения разорвали на части Югославию и Чехословакию; ныне они пытаются разделить Францию, Испанию и Италию. В 2001 г. в Германии начались торжества в честь древней Пруссии. В Великобритании «Юнион Джек» на дверцах такси и на эмблеме чемпионата мира по футболу заменили средневековым крестом святого Георгия. Люди всё меньше и меньше отождествляют себя с национальным государством – и всё больше и больше с родом и семьей. В канадских провинциях Альберта и Саскачеван возникли партии независимости, а 14 % населения Британской Колумбии высказывается за отделение от Канады.

Дух сепаратизма, национализма и разобщённости крепнет и в районах больших городов, населённых выходцами из Латинской Америки. Почему мексиканские иммигранты должны испытывать хотя бы подобие верности по отношению к стране, куда они перебрались исключительно в поисках работы? И почему бы националистически настроенным и патриотичным мексиканцам не мечтать о собственной Реконкисте?

Латинос – наиболее динамично прирастающий этнический фрагмент американского общества. Вместе с этническими пропорциями внутри страны изменяется и американская политика. Нарастающая иммиграция, естественно, оказывается на руку левым и приводит их к власти. Администрация президента Буша в своих политических решениях и назначениях внимательно прислушивалась к пожеланиям латинос, зачастую – в ущерб консерваторам. Нынешняя Америка уже не то «двухразовое» государство 1960-х гг., которое стремилось стереть этнические различия в обществе, где преобладание белого населения составляло 90 %. Сегодня можно говорить о «мультирасовой», мультикультурной и мультиэтнической стране. В США сегодня проживает 28,4 миллиона некоренных американцев. Половина из них – иммигранты из Латинской Америки и стран Карибского бассейна, четверть – из Азии; остальные – иммигранты из Африки, Ближнего Востока и Европы. Один из каждых пяти жителей Нью-Йорка или Флориды – некоренной американец, так же как и каждый четвёртый из калифорнийцев.

Примордиализм vs конструктивизм

К превратностям культурной самоидентификации относится в наши дни противостояние примордиализма и конструктивизма. Примордиальность (от лат. *primordialis*) – существующий с самого начала, первобытный, изначальный. Этническое определяется через примордиальное, то есть через то, что предшествует сознанию человека. Странники описываемого направления склонны выделять глубокую аффективность природы этноса. Этничность рассматривается как крепкая эмоциональная привязанность индивидов друг к другу. Примордиализм или эссенциализм – в этнологии (этнографии) – одно из научных направлений, рассматривающее этнос как изначальное и неизменное объединение людей «по крови» с неизменными признаками. У этого понятия есть и негативный оттенок. Данное слово сопрягается со смыслом первичным, примитивным, рудиментарным (в значении зачаточном).

«Примордиализм, базируясь на концепции философского эссенциализма, толкует нацию и этнос как реально существующие социальные объекты, составляющие субстанциональную основу социальной жизни общества. Данная группа концепций рассматривает этносы и нации как преемственные

исторические формы единого социального феномена, соответствующие определённым стадиям развития общества, причём принадлежность индивида к общности объявляется его изначальной (primordial) характеристикой» [5, с. 1007].

За последние десятилетия примордиализму оппонирует конструктивизм. Один из видных представителей этого направления американский социолог Роджер Брубейкер. Принято думать, что этнические, расовые и национальные конфликты разыгрываются между этническими группами, которые отличаются закрытостью и внутренней солидарностью. Такое представление американский социолог Р. Брубейкер называет «группизмом» [см.: 6]. Возникает вопрос, а существуют ли на самом деле эти цементированные общности? Брубейкер считает это предрассудком. Этнические группы, по его мнению, не имеют объективного статуса, поскольку они сами сконструированы, созданы порой воображением лидеров и идеологов, которым нужно решить определённые политические задачи. Однако, по мнению американского социолога, конструктивизм, т.е. практика «сотворения» групп, тоже страдает стереотипами, изобилует мифами. Вот почему он предлагает пользоваться не термином «идентичность», а понятием «идентификация». Речь, стало быть, идёт не о конкретном результате, подводящем итог самоидентичности, а о нескончаемом процессе интерпретации и репрезентации этничности, расы и нации.

Р. Брубейкер солидарен с мнением одного из видных представителей конструктивизма Эрика Хобсбаума, который указал на то, что национальность и национализм конструируются, что называется «сверху». Однако в какой мере эти концепты соответствуют убеждениям, предрассудкам, надеждам, чаяниям обычных людей. Вот почему бывает так, что националистические страсти, которые, казалось бы, должны находиться в состоянии предельной мобилизации и увлечённости, не вызывают отклика у народа. Далеко не всегда общественная жизнь структурируется по этническим лекалам. Так называемый «банальный национализм» может руководствоваться здравым смыслом, житейскими представлениями, а не этническими мифами.

Не только Брубейкер, но и столь авторитетный социальный философ как П. Бурдьё предлагает не мыслить мир «субстанционалистски». Однако было бы ошибкой считать Брубейкера истовым конструкционистом. Он критикует это на-

правление в этнической науке, когда сталкивается со штампами, стереотипами. Несколько десятилетий социальная конструкция была живой и плодотворной метафорой. Она преобразовала понятие этничности. Но конструктивизм возомнил о своей непреложности и сам стал скучным.

Брубейкер не ставит своей целью изгнать понятие «группы» из этнического анализа. Он лишь призывает исследователей к «открытости». По его мнению, ограниченные и солидарные группы – это один из модусов этничности, но не единственный. Феномен «группы» вовсе не является константой. Сознание группы может модифицироваться с учётом предлагаемых обстоятельств, конфликтов внутри общности. Идея, которая обеспечивает солидарность может истощиться, пойти на спад, выродиться. Р. Брубейкер отказывается понимать идентичность как исключительную, неизменную, фундаментальную тождественность. Поэтому он предлагает пучок менее нагруженных терминов, таких как идентификация и категоризация, самопонимание и социальная локализация, общность и связанность [см.: 7].

Американский социолог ссылается на «когнитивный поворот» в гуманитарной науке, который он квалифицирует как один из самых значительных интеллектуальных прорывов конца минувшего столетия. Этот прорыв произвёл революцию в психологии, придал новую форму дискуссиям в лингвистике, создал новую субдисциплину в антропологии и заложил основы совершенно новых исследовательских областей, таких как искусственный интеллект и когнитивная наука. В социологии когнитивные подходы тоже открыли новые направления анализа. Однако в исследовании этничности, по мнению Р. Брубейкера, когнитивный поворот остаётся в начальной стадии и большей частью не обнаруживается.

В чём же состоит смысл этих рассуждений? Этничность, раса и нация должны быть осмыслены не как субстанции, вещи, сущности, организмы или коллективные личности – к чему нас подталкивает образ дискретных, конкретных, осязаемых, ограниченных и живучих «групп», – но в реляционных, процессивных, динамических, событийных и разукрупненных терминах. Иными словами, этнизация, расизация и национализация должны пониматься не как субстанциальные группы или сущности, а как практические категории, ситуативные действия, культурные идиомы, когнитивные схемы, дискурсивные фреймы, организационные устои,

институциональные формы, политические проекты и случайные события. Этнизация, расизация и национализация должны быть осмыслены как политические [6, с. 29].

По мнению Брубейкера, реальность расы, и даже её чрезвычайная принудительная сила в некоторых обстоятельствах, не зависит от существования «рас». Так же и реальность этничности и национальности – и решающая сила этнической и национальной идентификаций в некоторых обстоятельствах – не зависит от существования этнических групп или наций как субстанциальных групп или сущностей. Американский социолог показывает, что «группы», которые составляют канонический «этнорасовый пятиугольник» – афроамериканцы, азиато-американцы, белые, коренные американцы и латиноамериканцы, – являются (за частичным исключением в лице афроамериканцев) вовсе не группами, а категориями, поддерживаемыми политическими дельцами и защищёнными государственной и другой организационной рутинной.

Разумеется, мы сталкиваемся в современном мире с эффектом множественности идентичностей. Многие общности торопятся заявить о своей специфичности без особых на то оснований. Но разве конструктивизм устраняет эту тенденцию. Напротив, он поощряет рождение новых солидарностей. Однако если идентичность обладает свойством оказаться везде, в любых социальных порах, то термин действительно утрачивает свою аналитическую ценность. Если идентичность находится везде, то её нет нигде. Кроме того, возникают вопросы: как кристаллизуются те или иные идентичности? Каким образом они обретают внутреннюю устойчивость? Если идентичность многолика, то как оправдать законность конкретной самоидентичности? Неужели только в политическом ракурсе. Если она текуча, то как понять, каким образом самопонимания крепнут, твердеют и кристаллизуются? Если она сконструирована, то как можно понять принудительность внешних идентификаций? Если она множественна, то как понять ту ужасную единичность и единственность, которой часто жаждут и иногда достигают политики, желающие превратить простые категории в унитарные и исключаяющие группы? Как мы можем понять силу и пафос политики идентичности? Именно поэтому конструктивисты отвергают концептуальное осмысление всех сходств и присоединений, всех форм принадлежности, всякого опыта воспри-

ятия общности, связанности и сплочённости, всех самопониманий и самоидентификаций с помощью идиомы идентичности.

Исследования национальности и национализма с момента их появления в конце XIX века и до настоящего времени отмечены глубокой амбивалентностью и хронической двусмысленностью. С одной стороны, национализм ассоциируется с милитаризмом, войной, иррационализмом, шовинизмом, нетерпимостью, гомогенизацией, вынужденной ассимиляцией, авторитаризмом, узостью, ксенофобией, этноцентризмом, этническими чистками, даже геноцидом; он характеризуется как «совершеннейший политический позор XX века». С другой стороны, национальность и национализм связаны с демократией, самоопределением, политической легитимностью, социальной интеграцией, гражданской религией, солидарностью, достоинством, идентичностью, культурным выживанием, гражданством, патриотизмом и освобождением от чуждого правления.

Неслучайно Р. Брубейкер приходит к выводу, что одна из причин такой амбивалентности заключается в том, что «нация» и «национализм» обозначают целый мир различных вещей. В значительной степени амбивалентность отражает не столько конкурирующие понимания и оценки одной и той же вещи, сколько альтернативные употребления одного и того же термина. Другими словами, амбивалентность коренится большей частью в неясности. То, как люди оценивают национализм, зависит от того, как они понимают его. Он ссылается на тот факт, что почти все европейские общества, подобно большинству обществ во всем мире, являются этнически разнородными, но эта разнородность принимает чрезвычайно разные формы.

Пластичность культуры

Американский философ Ричард Рорти пришёл к убеждению, что «единственный урок, который можно извлечь как из истории, так и из антропологии – наша невероятная пластичность. Мы стали представлять себя как гибкое, протейное и самоопределяющееся, а не рациональное или жёсткое животное» [8, p. 72]. Культурные релятивисты не любят разговоров об универсалиях. И здесь мы опять оказываемся перед очередной альтернативой культурной самоидентичности. Речь пойдёт о дихотомии локального и универсального. Можно ли сказать, что локальное и универсальное

являются полными противоположностями? Такую точку зрения проводят постмодернисты, которые отрицательно относятся ко всякого рода бинарным оппозициям.

Исток культуры – природа. Но вот возникает ещё одно парадоксальное суждение. Постмодернисты склонны считать, что феномен натурального сам по себе не существует. Он является коварной натурализацией со стороны культуры. Иначе говоря, мы не способны понять природу вне той культурной сетки, которая создана цивилизованными людьми. «Природное» – слово, – отмечает И. Терри, – которое сегодня обязательно должно быть задрапировано в устрашающие ци-

таты, – это то же культурное, но только застывшее, остановленное в развитии, освящённое, деисторизированное, превратившееся в стихийный здравый смысл или истину, принимаемую за данность. Большая часть культуры действительно такова, но не вся она принимает себя за вечную и неизменную, что делает её более политически несговорчивой» [1].

Утверждение, что мы всецело культурные существа, приводит, с одной стороны, к абсолютизации культуры. Но при этом релятивизирует мир. Если всё, что связано с нами – от природы до цивилизации – культура, тогда смысл в этом абстрактном понятии устраняет сам себя.

Список литературы:

1. Терри Иглтон. Идея культуры / Пер. с англ. И. Кушнаревой. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2012.
2. Флоренский П.А. Из богословского наследия // Богословские труды. Вып. 17. М., 1977.
3. Гречко П.К. Онтометодологический дискурс современности. Историческая подвинутость и её вызовы. М.: URSS, 2015. 301 с.
4. Жижек Славой. Щекотливый субъект: отсутствующий центр политической онтологии / Пер. с англ. С. Щукиной. М.: Изд. дом «Дело», 2014. 526 с.
5. Сафонов А. Нация и этнос, как существенно различные социальные феномены: новая парадигма социогенеза // Философия и культура. 2014. № 7(79). С. 1006-1012.
6. Брубейкер Р. Этничность без групп / Пер. с англ. И. Борисовой. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2012. 408 с.
7. Спирина Э.М. Утраченная самоотжественность. О книге Р. Брубейкер «Этничность без групп» // Вестник аналитики. 2013. № 3(53). С. 155-158.
8. Rorty R. Human Rights, Rationality, and Sentimentality // The Politics of Human Rights / O. Slavic (ed.). L., 1999.
9. Гуревич П.С. Философия культуры. М.: Аспект-Пресс, 1995. 181 с.
10. Гуревич П.С., Палеева Н.Н. Философия культуры. 2-е изд., доп. М.: «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2014. 424 с.
11. Морен Эдгар. Метод. Природа природы / Пер. с франц. Е.Н. Князевой. М.: «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2013. 487 с.
12. Спирина Э.М. Философско-антропологическое содержание символа. М.: «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2012. 336 с.

References (transliteration):

1. Terri Iglton. Ideya kul'tury / Per. s angl. I. Kushnarevoi. M.: Izd. dom Vysshei shkoly ekonomiki, 2012.
2. Florenskii P.A. Iz bogoslovskogo naslediya // Bogoslovskie trudy. Vyp. 17. M., 1977.
3. Grechko P.K. Ontometodologicheskii diskurs sovremennosti. Istoricheskaya podvinutost' i ee vyzovy. M.: URSS, 2015. 301 s.
4. Zhizhek Slavoi. Shchekotlivyi sub"ekt: otsutstvuyushchii tsentr politicheskoi ontologii / Per. s angl. S. Shchukinoi. M.: Izd. dom «Delo», 2014. 526 s.
5. Safonov A. Natsiya i etnos, kak sushchnostno razlichnye sotsial'nye fenomeny: novaya paradigma sotsiogeneza // Filosofiya i kul'tura. 2014. № 7(79). S. 1006-1012.
6. Brubeiker R. Etnichnost' bez grupp / Per. s angl. I. Borisovoi. M.: Izd. dom Vysshei shkoly ekonomiki, 2012. 408 s.
7. Spirova E.M. Utrachennaya samotozhdestvennost'. O knige R. Brubeiker «Etnichnost' bez grupp» // Vestnik analitiki. 2013. № 3(53). S. 155-158.
8. Rorty R. Human Rights, Rationality, and Sentimentality // The Politics of Human Rights / O. Slavic (ed.). L., 1999.
9. Gurevich P.S. Filosofiya kul'tury. M.: Aspekt-Press, 1995. 181 s.
10. Gurevich P.S., Paleeva N.N. Filosofiya kul'tury. 2-e izd., dop. M.: «Kanon+» ROOI «Reabilitatsiya», 2014. 424 s.
11. Moren Edgar. Metod. Priroda prirody / Per. s frants. E.N. Knyazevoi. M.: «Kanon+» ROOI «Reabilitatsiya», 2013. 487 s.
12. Spirova E.M. Filosofsko-antropologicheskoe sodержanie simvola. M.: «Kanon+» ROOI «Reabilitatsiya», 2012. 336 s.